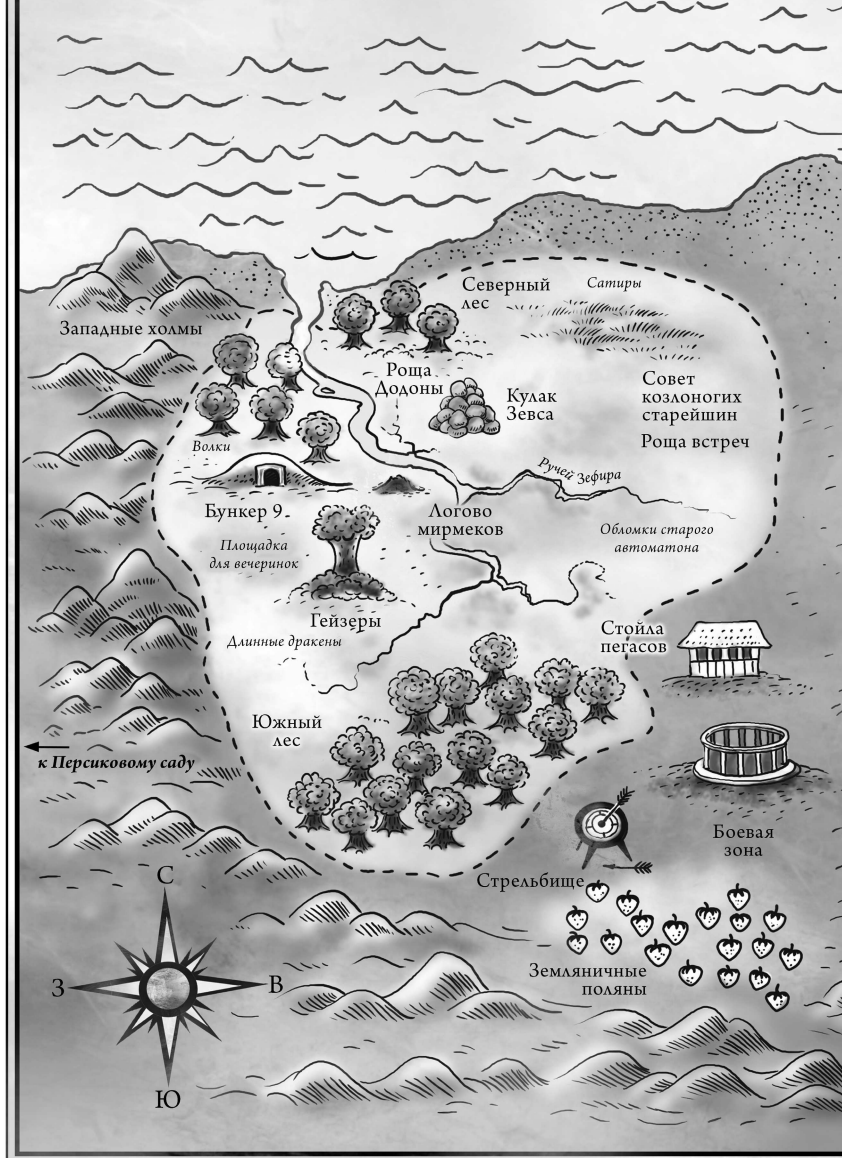
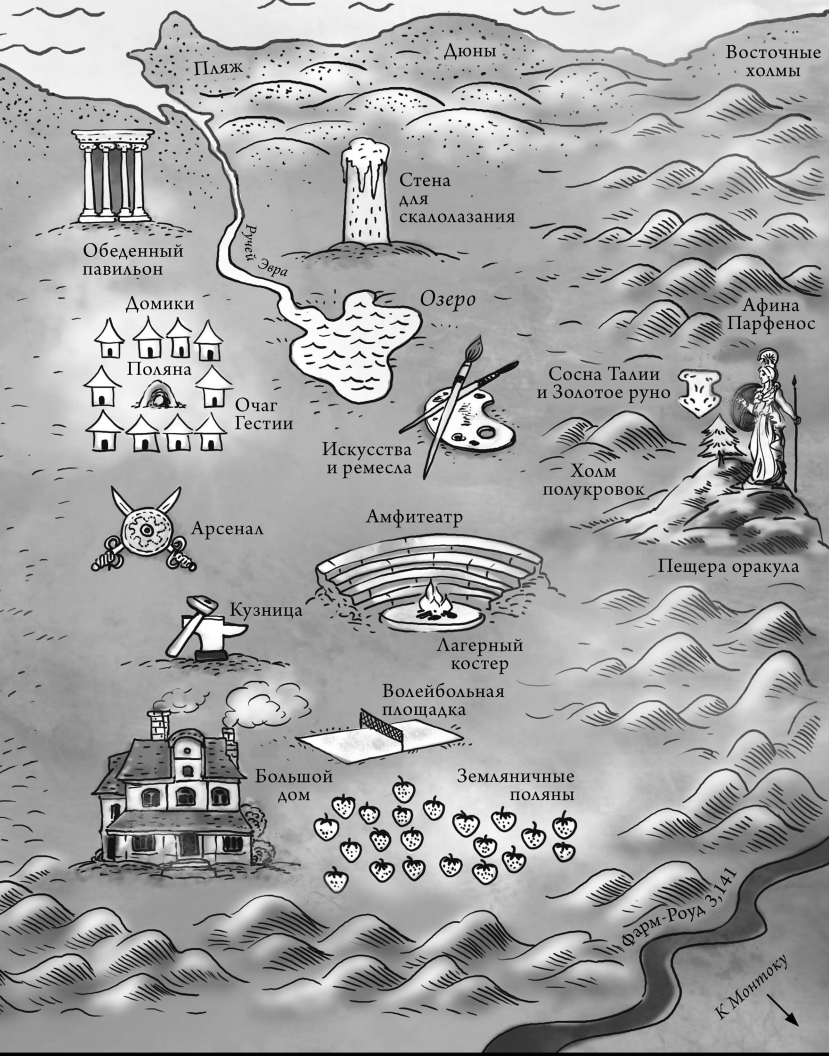

*Музе Каллиопе.
За промедленъе, пожалуйста, не казни.*

ЛАГЕРЬ ПОЛУКРОВОК

ЗАЛИВ ЛОНГ-АЙЛЕНД

1

*По лицу меня молотят хулиганы
Я поразил бы их, если бы смог
Смертные бьют*

Меня зовут Аполлон. Когда-то я был богом. За четыре тысячи шестьсот двенадцать прожитых лет я много чего совершил. Наслал мор на греков, осаждавших Троию. Благословил Бейба Рута тремя хоумранами в четвертой игре Мировой серии 1926 года. В 2007-м обратил свой гнев на Бритни Спирс во время церемонии вручения наград Эм-ти-ви.

Но никогда за всю свою бессмертную жизнь мне не случилось падать в мусорный бак.

Я даже не знаю точно, как именно это случилось.

Проснулся — падаю. Вертелись, то появляясь, то исчезая из виду, небоскребы. Тело полыхало пламенем. Я пытался лететь. Пытался обратиться в облако, телепортироваться или сделать что-то еще, повернуть хотя бы один из сотни трюков, всегда удававшихся без особого труда, но ничего не получалось. Я продолжал падать. Нырнул в узкий каньон между двумя зданиями и... БУМ!

Есть ли что-нибудь печальнее звука, с которым бог грохается в кучу мусорных мешков!

Лежал. Стонал. Весь несчастный и разбитый. В нос била вонь от протухшей колбасы и использованных подгузников. Ребра болели, будто сломанные, хотя такое и невозможно.

В голове полная сумятица, но одно воспоминание пробивалось навверх — голос моего отца, Зевса: ТЫ ПРОВИНИЛСЯ. ТВОЕ НАКАЗАНИЕ.

Я вспомнил, что случилось, и всхлипнул от отчаяния. Даже мне, богу поэзии, трудно описать свои чувства. А способен ли понять их ты, простой смертный? Представь, что тебя раздели догола, а потом обдали струей из пожарного крана на глазах глумливой толпы. Представь, как нос и легкие заливают ледяная вода, как бьет она по коже, оставляя синяки, как толчет в мессиво суставы. Представь себя беззащитным, опозоренным, совершенно уязвимым, выставленным на всеобщее посмешище и безжалостно лишенным всего, что делает тебя тобой. Мое унижение было еще хуже.

«ТЫ ПРОВИНИЛСЯ», — гремел у меня в голове голос Зевса.

— Нет! — жалобно возопил я. — Нет, не надо! Пожалуйста!

Никто не ответил. По обе стороны от меня по кирпичным стенам зигзагом бегут вверх ржавые пожарные лестницы. Вверху — зимнее небо, серое и неумолимое.

Я пытался вспомнить подробности приговора. Упоминал ли отец, сколь долгим будет нака-

зание? Что требовалось от меня, чтобы вернуть его расположение?

Память туманилась. Я едва помнил, как выглядит Зевс, не говоря уже о том, почему он решил сбросить меня на Землю. Вроде бы была война с гигантами. Богов застали врасплох и едва не разгромили.

Одно я знал наверняка: меня наказали несправедливо. Зевсу надо было выставить кого-то виновным, и он, разумеется, выбрал самого красивого, самого талантливого, самого популярного бога в пантеоне.

Я лежал в мусорном баке, глядя на наклейку на внутренней стороне крышки: ДЛЯ ЗАБОРА МУСОРА ПОЗВОНИТЕ 1-555-ВОНЮЧКЕ. Зевс передумает, сказал я себе. Он всего лишь пытается припугнуть. Сейчас, вот сейчас, сию минуту он выдернет меня на Олимп и отпустит на все четыре стороны со строгим предупреждением.

— Да... — Мой голос прозвучал глухо и уныло. — Да, вот так.

Попытался пошевелиться. Хотел подняться, чтобы встретить Зевса стоя, когда он явится с извинениями. В ребрах тупо застучала боль. Светло живот. Я ухватился за край бака, с усилием, кое-как, подтянулся и, перевалившись, грохнулся на асфальт. В плече хрустнуло.

— Ууурррррххх, — прохрипел я сквозь зубы и боль. — Вставай. Поднимайся.

Подняться оказалось нелегко. Голова закружилась так, что поплыло перед глазами. Я стоял

в каком-то тупике. Единственный выход, футах в пятидесяти, вел к улице с грязными фасадами залоговой конторы и ломбарда. Похоже, меня занесло на западную сторону Манхэттена или в район Краун-Хайтс в Бруклине. Должно быть, Зевс разозлился не на шутку.

Я осмотрел свое новое тело. Подросток. Белый. На ногах — кеды. Джинсы и рубашка-поло. Какая гадость. Я чувствовал себя человеком, смертным — короче, паршиво.

И как только люди терпят такое — не понимаю. Провести всю жизнь в мешке плоти, не иметь возможности наслаждаться самыми простыми удовольствиями — обратиться, например, в колибри или раствориться в чистейшем солнечном свете.

И вот теперь, да помогут мне небеса, я стал одним из вас — еще одним мешком плоти.

Я порылся в карманах штанов — а вдруг там завалялись ключи от солнечной колесницы. Не повезло. Вся добыча — дешевый нейлоновый кошелек с сотней долларов в американских деньгах, которых едва хватило бы на легкий ланч в мой первый день человеческой жизни, и юношеские водительские права штата Нью-Йорк с фотографией туповатого курчавого парнишки. Звали парнишку, который мог быть и не мной, Лестер Пападопулос. Воистину, жестокость Зевса не знает границ!

Я заглянул в мусорный бак с надеждой обнаружить там свалившиеся вместе со мной лук, колчан со стрелами и лиру. В крайнем случае

меня устроила бы и губная гармошка. Увы, ничего.

Я вздохнул. *Бодришь! Какие-то из божественных способностей наверняка сохранились. Могло быть и хуже.*

— Эй, Кейд, взгляни-ка на этого лузера, — произнес дребезжащий голос.

Выход из переулка блокировали два молодых человека: коренастый платиновый блондин и высокий рыжий. На обоих толстовки небьютного размера и мешковатые штаны. На шее у каждого — татуировки с изображением змей. Чего им недоставало, так это надписи на лбу большими буквами — Я ОТМОРОЗОК.

Рыжий сразу нацелился на кошелек у меня в руке.

— Повежливей, Майки. Парень вполне дружелюбный. — Он ухмыльнулся и достал из-за пояса охотничий нож. — И даже хочет отдать нам все свои денежки.

В том, что произошло потом, виновата моя дезориентация.

Я знал, что лишен бессмертия, но все равно воспринимал себя как могучего Аполлона! Изменить образ мыслей не так-то просто — это вам не в снежного барса превратиться.

К тому же прежде, когда Зевс наказывал меня превращением в смертного (да, такое случилось дважды), я все же сохранял физическую силу и кое-какие божественные способности.

Вот и решил, что и теперь могу на что-то рассчитывать.

Отдавать двум юным смертным негодьям бумажник Лестера Пападопулоса в мои намерения никак не входило.

Я выпрямился, рассчитывая устрасить Кейда и Майки своей величественной статью и несравненной красотой. (О чем бы ни свидетельствовала фотография на водительских правах, уж эти-то качества наверняка должны были остаться при мне.) И, не обращая внимания на стекающую по шее теплую жижу из мусорного бака, заявил:

— Я — Аполлон. Выбирайте, смертные, одно из трех: выплатить мне дань, бежать или погибнуть.

Я хотел, чтобы мои слова прокатились эхом по переулку, повергли в прах башни Нью-Йорка и обрушили ливень на его тлеющие руины. Но ничего такого не произошло. На слове «погибнуть» мой голос дрогнул и сорвался на писк.

Рыжий Кейд ухмыльнулся еще шире. Было бы забавно оживить змей на его шее и посмотреть, как они задушат его до смерти.

— Что думаешь, Майки? — обратился он к приятелю. — Выплатим парню дань?

Майки нахмурился. Жесткие короткие волосы, маленькие злобные глазки и кряжистая фигура напомнили мне чудовищную свинью, терроризировавшую в добрые старые времена деревушку Кроммион.

— Ну, насчет дани не согласен. — Голос у него был такой, словно он жевал зажженные сигареты. — А какие там другие варианты?

— Бежать?

— Не.

— Погибнуть?

— Может, ему самому погибнуть? — фыркнул Майки.

Кейд подбросил нож и поймал его за рукоятку.

— С этим я жить смогу. Давай, ты первый.

Я сунул кошелек в задний карман. Сжал кулаки. Сделать из них мясные вафли? Не то чтобы это мне нравилось, но если придется... Даже в своем нынешнем, незавидном состоянии я был неизмеримо сильнее любого смертного.

— Предупреждаю, вы даже не представляете, с кем имеете дело. Сила моя вне вашего разума.

Майки похрустел костяшками пальцев.

— Угу.

Он ринулся вперед.

И как только оказался в пределах досягаемости, я нанес удар, вложив в него весь свой гнев. От такого удара хулиган должен был испариться, оставив после себя лишь отпечаток на асфальте.

Вместо этого он уклонился, что совсем мне не понравилось.

Я пошатнулся и, увлекаемый вперед силой инерции, едва не оступился. Должен сказать, когда Прометей мастерил вас, смертных, из

глины, сработал он халтурно. Ноги у людей неуклюжие. Я попытался устоять за счет бездонного ресурса ловкости и быстроты, но Майки пнул меня ногой пониже спины. И я шлепнулся. Божественным ликом на землю.

Ноздри раздулись, как воздушные мешки. В ушах грохнуло. Рот наполнил запах меди. Я перевернулся со стоном на спину и обнаружил над собой две расплывающиеся бандитские рожи.

— Майки, ты уразумел теперь, в чем сила этого парня? — спросил Кейд.

— Дурачье! — прохрипел я. — Я вас изничтожу!

— Кто б сомневался. — Кейд убрал нож. — Но сначала мы на тебе потопчемся.

Кейд поднял ногу, и мир померк в моих глазах.